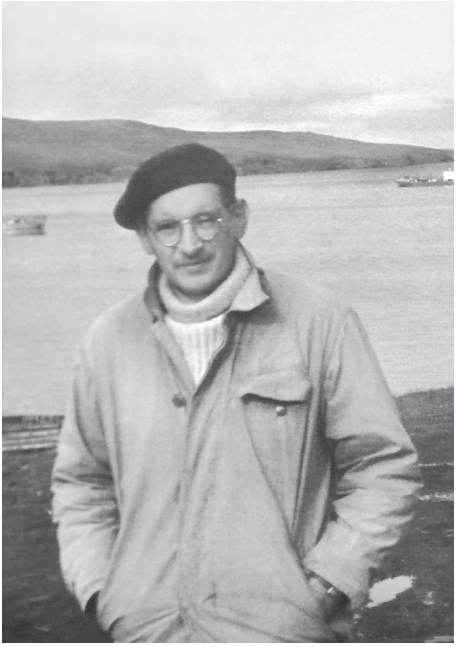
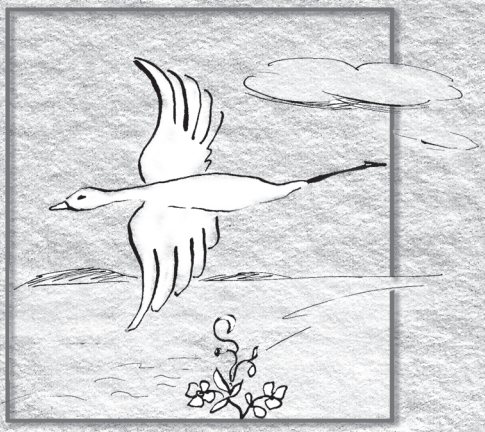
Памяти моего отца
Николая Владимировича Димчевского
посвящается...

Николай ДИМЧЕВСКИЙ

ВЕСЕННИЙ КУВШИН

Стихи

Санкт-Петербург
2015

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6
Д 67

Николай Димчевский
Д 67 Весенний кувшин *(Стихи)*. СПб.: ООО «ИНТЕР-АГРО». 2015. – 160 с.

ISBN 978-5-9904884-3-4

Сборник «Весенний кувшин» составлен Н. В. Димчевским из стихов, написанных в основном в 1990-м году. Стихи не только о весне. Они вобрали все жизненные проявления человека и природы во времени, как увидел и осмыслил их автор. Весь наш мир отражается в его поэзии, неоднозначно и неординарно: город, стихия пространства, весенняя капель, дожди, «нити» осени, зарубки на душе, преображения любви. Завершают сборник иронические зарисовки – философские раздумья над собой и над другими.

ISBN 978-5-9904884-3-4

© Бабаева Е. Н., 2015

Об авторе

Друзья называли его неразгаданным писателем XX века. Для тех, кто его хорошо знал, он так и остался лирическим философом, для которого искренность в жизни и творчестве была делом чести, а понятия Человек, Гражданин, Отечество – самыми главными.

Николай Владимирович Димчевский (1926–2002) – русский поэт, писатель, переводчик, журналист и путешественник всегда считал литературную деятельность основной. Природный дар и философское восприятие мира становятся отправной точкой его мастерства, помогая увидеть необычное в обыденном, удивиться самому и удивить нас. И ты забываешь, как давно написаны эти строчки – не покидает ощущение, что они предназначены именно тебе.

Он начал писать стихи рано. Со школьного возраста всю жизнь вел дневники. Когда пришла пора выбора между литературным институтом и МГУ – дилемма разрешилась в пользу философии. В литературе он являл собою особого вида самородок, ведь единственным уроком мастерства стала встреча в 1944-м с А. Толстым, которому показал одну из своих тетрадок со стихами, самодельных, сшитых из крафтовой бумаги; других в деревне Мосолово на Рязанщине, куда семья эвакуировалась из Москвы, просто не было.

С дипломом МГУ три года работал в Астраханском пединституте. В столицу вернулся продолжать обучение уже в аспирантуре. После аспирантуры – переменил несколько профессий. Он сам напишет о том времени: «...но простор все время звал. Уволился из конторы и уехал с геологами на Ангару и Енисей. Люди были под стать сибирским просторам – такие же вольные, широкие. Поражали и не отпускали переливы синевы, скалы, пробитые медными соснами, таежная первозданность...

Здесь опять неожиданно пришли стихи. Писал их с натуры, как этюды. Завершив сезон, вернулся домой и стал работать в газете, потому что уже не мог жить без движения. Ходил на тральщиках в Баренцевом море, кочевал с пастухами

по тундре Полярного Урала, на танкере прошел по Лене вдоль марсиански-пустынного Верхоянского хребта до Тикси, с пограничным кораблем – мимо Сахалина, Курил, Камчатки – на Чукотку... Берингово море, остров Ратманова и в дальней дымке – Америка...»

После «разборок» у Толстого перестал писать стихи совсем: по-старому уже не мог, новое слово не приходило. В этих поездках ему удалось найти «свои темы» и «свое слово» – рождались новые стихи, которые были положительно восприняты мастерами: В. Луговским, Е. Винокуровым, Б. Слуцким и др.

Первые широкие публикации стихов появятся в 1959-м у А. Твардовского в «Новом мире» и у Б. Окуджавы в «Литературной газете», где тот «заведовал» поэзией. А с 1968-го стали выходить самостоятельные книги, и большими тиражами.

Его проза, как и переводы с английского – Мелвил, Брэдбери, Киплинг, Монсаррат – придут к читателю гораздо позже. А тогда «зрелый и перспективный поэт» был принят в Союз писателей. Почти четверть века он работал в книжном издательстве «Советская Россия», дослужившись до заместителя главного редактора.

По своей натуре сам был очень мастеровит. В эвакуации подростком научился драть лыко и плести лапти, в которых и проходил до конца войны, из подручных средств соорудил фотокамеру, и получались вполне приличные снимки, которые сохранились до сих пор. Писал картины акварелью и маслом, поделки из дерева даже выставлял и получал призы.

Всегда много фотографировал – тут сплелись и журналистская привычка, и живой интерес. Путешествуя, накопил много слайдов, которые объединены в фильмы «Полярный Урал», «Путешествие по Лене» и сильно задевают эмоционально ощущением присутствия ушедшей эпохи, еще не тронутой цивилизацией.

Какие бы преграды не вставали на его пути, он смог сохранить свой стиль, свой подход к образу. Поэзия Димчевского обращает человека внутрь себя, при этом полна оптимизма, уверенности в силе жизни, ее естественности, а непридуманности, – говорит вроде бы о простых вещах, но простота эта часто гениальна.

МЕДНЫЙ МЁД

* * *

Узор досок убог и сер.
Калитка открывалась в бездну.
И пением небесных сфер
был ржавых петель скрип железный.

Открыл,
и сапоги ступают
на синь, что налита в долинах.
И облака плывут по краю,
и в даль следы несут на спинах.

Так начинает день искатель.
Он отпирает родники
и наблюдает, как из капель
родится полотно реки.

Руками в ссадинах и глине
он раздвигает склоны скал –
узнать, как в каменной пучине
цветёт и зреет минерал.

Он мёрзнет в медленном тумане,
он жгучий луч отодвигает,
а там –
в долине,
в синем чане –
смолистый полдень закипает.

И далеко поёт калитка
о всех, кто ищет и искал,
чей след над зыбкой бездной выткан
и врезан в древний камень скал.

МЕДНЫЙ МЁД

Вот серебряный город.
Там медные птицы гнездятся,
там стальные сверчки
и стеклянные пчёлы живут.
В нём дома без хозяев и домочадцев,
и холодные башни не знают про тёплый уют.

И приходит старик.
Он приносит языческий праздник,
начинается пир,
медный мёд в гулких трубах кипит.
И в серебряных сотах
душа охмелевшая вязнет,
и стальной колокольчик у самого сердца звенит.

А старик поднимает тяжёлую соль океана,
вызывает все гулы пещер
и все ветры полей...
Так рождается музыка в недрах органа.
Так великая мудрость нисходит на души людей.

* * *

Жестяные цветы на воротах сада!
Никогда не увянут ваши ржавые стебли,
в ваших венчиках нет
ни нектара, ни яда;
ни пчела, ни оса
в ваших чашечках не были.

Но у вас есть своя неуклюжая прелесть,
есть наивность в нелепых изгибах металла –
это значит:
жестянщику
очень хотелось,
чтобы мёртвая жесть колокольчиком стала.

Узловатые пальцы
в порезах и ржави
орошались не раз
крупной каплею пота,
и на память он летнему саду оставил
жестяные цветы на скрипучих воротах.

Я завидую:
старый жестянщик был мастер.
Это радость –
оставить на жести иль слове
трепет пальцев своих,
или мысли о счастье,
или капельку крови.

«Литературная газета», 3 сентября 1959 г.

* * *

Металл, как губка, впитывая труд,
ложится слитком,
тянется в струну...
Лишь руки человека придают
полезность стали,
благородство сплавам
и золоту – цену.

Металл – стихия:
В нём сплелись узлом
бездушье, красота, бестрепетность и дрожь.
Металл – хамелеон:
сегодня – ржавый лом,
а завтра – плуг и серп,
а завтра – меч и нож.

Металл – игрушка, банка для конфет
и трос,
протянутый из наших дней в мечту;
он плоть и мозг космических ракет
с орбитой, устремлённой в пустоту...

Всё это буйство скрытых свойств и сил
клубится,
сжатое в ладонях твёрдых рук, –
его связал,
скрутил и подчинил
металлом опалённый металлург.

Не сталь,
не алюминий,
не вольфрам –
всё это сплав труда, ночей и дней,
всё это мысль с металлом пополам,
и металлург господствует над ней!

«Литературная газета»,
3 сентября 1959 г.

* * *

Душистый воск ещё не зрелой мысли,
характер ломкий, как весенний лёд.
Судьба чуть начата –
не ясно,
вниз ли,
ввысь ли
её ветрами занесёт.
Ведь каждый ученик – наивная загадка,
вселенная на тоненьких ногах,
где зыбок свет,
законы шатки
и без орбит планеты в небесах.

Весь инструмент учителя –
терпенье
и время, сотканное из минут в года.
Дробятся камни,
рвутся цепи звенья,
но это напряжённое терпенье
ему не изменяет никогда!

Вот он в саду,
столпившись, смотрят дети,
как держат нож, как режут черенки.
Не скоро под плодами дрогнут ветки,
но зреет плод в тепле его руки.

Он сотни раз выводит букву, слово...
И медленно
и с каждым днём верней
он, точно скульптор, лепит из живого
сердца и облик будущих людей.

* * *

В каюте музыка.
Тонка, прозрачна,
как радуга бензина на воде...
гремящим хаосом у скал баржа подхвачена,
и кончено – тут лишь валам гудеть.

И только двигатель
да скрип железа
вплетают голос в бешенство реки.
Цветок мелодии под корень срезан,
беспомощно кружатся лепестки.

Казалось, смято всё,
раздроблено о скалы.
Природа, словно нож, обнажена.
И Моцарт перед нею сник устало –
обмякли пальцы,
согнута спина.

– Ты не робей! – тепло и неуклюже
сказал матрос
и вытер трудный пот.
...Прислушайся:
всё также воду кружит,
и стонет сталь,
и лишь рояль поёт.

* * *

Всё больше красок впитывает взор,
всё больше плоти и бесплотных линий.
Мир сделался похожим на костёр,
и я горю в пылающей пустыне.

Свистят и хлещут языки огня,
жестокость красоты не знает края.
Ожог и боль проходят сквозь меня,
я пью огонь и радуюсь, сгорая.

* * *

Корявый ствол обратился в доски.
Распил в заусенцах и клочья коры,
но рисунок слоёв, пронизавших плоскость,
от глаза людского теперь не скрыть.

Мастер только взглянул,
только тронул стамеской,
и прошла под рукой жизнь далёких краёв,
где дожди, сушь и ветер менялись резко,
отражаясь в изломах и срывах слоёв.

Круто гнулись волокна,
как извилины мозга,
когда соки иссякли в земле скупой;
ствол сжимался, и сучья хватали воздух,
и бугры вырастали под чёрной корой.

В годы влаги, туманов прозрачных и солнца
расправлялись тяжёлые мышцы ствола,
и янтарные соки по всем волоконцам
жизнью пьяная почва гнала.

Под ударами бурь,
под кинжалами молний
усложнялся рисунок древесных жил:
каждый выгиб жестокость природы помнил
и трудным своим бытиём дорожил.

И теперь
обнажённые души деревьев,
чьи безвестные судьбы честны и чисты,
с полированных створок
в глаза ваши смотрят,
чтоб напомнить о трудных путях красоты.

* * *

В пяти минутах от метро,
на улице, мерцающей неоном,
рядом с домом,
где сорок переполненных квартир –
живёт Шекспир.

И мы к нему приходим,
оставив электронные машины,
молекул синтез,
ядерный распад...

«Когда-то
где-то в Датском королевстве
был принц...», –
Шекпир нам говорит сто раз подряд.

Что нам за дело до каких-то принцев!
Давно разбит и сломан царский трон.
И нам ли слушать призрака!
Мы строим машины,
где говорит и мыслит электрон!

Но здесь живёт Шекспир.
Он носит шпагу принца,
он призрак,
он могильщик,
он король.
Кто запретит артисту и фантасту
избрать любую роль!

Здесь все личины, маски и обличья –
лишь грани человеческой души,
лишь плащ,
который незаметной нитью
к живому сердцу накрепко пришит.

Живое сердце дышит и мятётся,
тревожным ритмом накопляя мир.
...Как нам не помнить
этот старый адрес,
где столько лет
живёт Шекспир!

* * *

Стихия пространства.
Шипенье ветров на металле.
Ночью звёзды,
и где-то внизу, на клубящемся дне,
точно угли костра в темноте разметало,
улеглись города в глубине.

Кто познал это чувство?
Захлопнулась дверца,
и земля покатилась назад,
и машина исчезла –
пространство летит через сердце,
и колючие звёзды
лучами глаза бередят.

Словно мы родились не в Рязани,
а где-то в космической дали,
и всегда были звёзды,
и ветер звенел о металл,
и тяжёлые тучи на дне океана лежали,
и по небу вселенной наш путь пролегал.

Насторожены чуткие лики приборов.
Стрелка – нерв,
лампа – мозг,
цифра – мысль,
и над ней –
наша воля в безбрежность просторов
направляет рули кораблей.

Машина – отросток, побег нашей мысли,
она продолженье
наших рук, нашей кожи и глаз...
И побег её – наше движенье,
это дерзость,
что в наших сердцах родилась!

Мы в полёте,
мы в пламени ветра.
Пускай неохотно
принимает нас грозная синь!
Ведь ломаются грани пространства,
и рвутся полотна,
отделившие землю от звёздных пустынь!

ПЕЧАТНИКИ

Строк серебро
и пальцы в чёрной краске.
Бумага,
оттиск,
след тяжёлых рук.
Мысль на листах густеет мёдом вязким,
мысль искрится в ажурных сотах букв.

Теперь она,
рождённая когда-то,
записанная где-то кем-то там...
как молния
свой росчерк угловатый
размечет по пяти материкам.

И это мы
вторую жизнь ей дали,
повторенную много тысяч раз.
Машины грелись,
здания дрожали,
когда она вторично родилась.

Печатники.
Труд ночью желтоглазой.
Свет утра застит взор, как серый пух.
Металлом и огнём
клокочут фразы,
неслышные слова тревожат слух.

В них есть от сердца нашего частица,
поэтому они звучат сильней.
Наш труд ночной
в трепещущих страницах,
как в нежности цветка
сок почвы и корней.

Ворота в мир открыты.
Мысль уходит
навстречу временам и племенам.
Цветок живёт,
и соки в стебле бродят,
и зреют семена...

Земля,
пропитанная гарью и углём,
пронизанная щебнем и железом...
Её мы любим –
мы на ней живём,
и след наш навсегда в земное тело врезан.

Все камни и песок, и шлак
прошли сквозь наши пальцы, как сквозь сито,
и горсть земли, зажатая в кулак,
сплавляется в бесценный слиток.

Мы прячем в землю реки и ручьи,
мы тянем кабель по бетонным трубам.
Прислушайся: она звучит
и нежным шёпотом,
и взрывом грубым.

Под ней, как электрический разряд,
как сгустки скорости и света,
с протяжным воем поезда летят.
И там родится новый лад
для песни, что ещё не спета.

Земли не убивает наша сталь –
на тихих улицах, у водостоков ржавых,
распарывая стебельком асфальт,
родятся травы.

Прокладывая линии траншей,
бетоном заливая площадь,
мы оставляем место для корней –
пусть лето
листья
ливнями полощет!

Земля, как тело, вся в извивах жил,
она живёт и дышит вместе с нами –
ведь душу человек в неё вложил,
когда закладывал в фундамент
первый камень.

«Новый мир», № 11,
1959 г.

* * *

Клин выбит,
и корабль,
скользнув по скату,
качается в пригоршнях волн.
Оснасткой оперившись,
он уйдёт куда-то...
Куда?
Не знают те, кем был он сотворён.

Судьба творцов и мастеров –
разлука
с машинами, с картинами, с домами, со стихом.
Вещам мы отдаём свой мозг и свои руки,
чтоб, как живые, шли
они своим путём.

Чем больше труд и мысли напряженье,
тем дальше ляжет сложный путь вещей.
Ненужное отсеется в движенье,
и станет ценное ещё ценней.

Как корабли, сквозь времена и вёрсты
плывут созданья лучших мастеров.
Искусность рук и сила мысли острой
ведёт их в дали будущих веков.

«Новый мир», № 11,
1959 г.

ИСКУССТВО

На охоту за каждым изгибом мысли,
за новой рифмой и новым размером
под землю и в выси
выхожу
и в невозможное верую.
Бесконечность дней, часов, минут и столетий,
пестрота форм земных и небесных –
всё, что бесцветно или цветёт в самом ярком цвете,
жизнь обретает
в песне!
Мозг, словно воды ручья –
отражает
и вносит своё добавленье.
Нет в нём косности зеркала,
он, как волна,
в изгибе которой всегда искаженье
и всегда красота берегов видна.

Нужно слово хватать, как рыбу,
что поймана и вертится на тонкой леске –
пусть на руках останутся порезы и ушибы,
на них останутся ещё живых чешуек блестки!

В чём секрет искусства?
В овладеньи материалом,
в смелости выбора темы и формы.
Искусство начинается в самом малом –
в слове,

поставленном не так,
как привыкли ставить с детских пор мы.

И это не «выверт», не «дань формализму»,
это – путь заставить
стать явью невидимку:
то, что ускользает в обыденной жизни,
обретает плоть свою,
идёт с тобой в обнимку.

ВРЕМЯ СКВОЗЬ СЕРДЦЕ

МОСКОВСКИЙ ДОГОВОР

Я знаю, что там происходит:
осколки атомов –
частицы и лучи,
пронзая воздух, виснут в небосводе...
Они безмолвны,
только взрыв звучит.

Когда стихает свистопляска ветра,
шаманство света,
крутоверть огня,
в безмолвье погружается планета,
свой тихий облик бережно храня.

Но тишина теперь глуха и зыбка.
Осколки атомов вплели в неё свой след,
и в воздухе узор их тонкий выткан,
лучащий ядовитый свет.

Спустившись на цветы магнолий,
на перья пальм,
на волосы берёз,
они, не причиняя боли,
пронзают их насквозь
и жалят, и сжигают без разбора
в избытке тёмных сил
рабочего,
солдата
и актёра,
учёного, что тайну их раскрыл.

Опасность нависает над планетой!
Она струится с нитями дождя,
она в цветке,
она в листе газеты,
она в губах, целующих тебя...

Не надо!
Хватит!
Есть сильнее сила:
газета, губы, лепестки цветка...
Такая сила целый мир вместила,
впитала землю, звёзды и века,
вобрала
соль и горечь океана
и пота хмель,
и смолы тяжких слёз,
чтоб прогреметь мелодией органной
и ураганом всех сердец и гроз!

Она ломает атомное жало
и штормом чистит мировой простор,
и вписывает властно на скрижали
Московский Договор!

* * *

Ты знаешь, как время проходит сквозь пальцы.
Недели –
стекляшки рассыпанных бус,
и дни,
как случайные постояльцы,
как слово, без смысла слетевшее с уст.
И вот
наступает пора спохватиться,
минуты до капли зажать в кулаке.
Нельзя, чтобы время текло!
Пусть сочится,
пусть отсвет скупой оставляет на лицах
и жилой укора
стучится в виске.

* * *

Этот берег...
Деревья кусты и река.
Только корни реки
уходили в века
и питались не каплями талой воды,
а вбирали судеб
затаённых следы.

Бурлаки приложили печати лаптей,
рыбаки замахнули туманом сетей.

Цепь из вмятин босых
через вымокший ил
кто-то в омут закинул
и там позабыл.

И горящая нефть
языком ледяным
города облизала и сдула, как дым.

...Пластовался закат,
и дымилась звезда
там,
где зыбко и зябко дрожала вода.

* * *

Мальчишка с петушиным хохолком,
другой на головастика похожий,
по тёплым лужам бродят босиком,
обрызгивая стены и прохожих.

Иду случайно мимо их возни,
я незнаком и вовсе им не нужен.

А всё-таки обидно, чёрт возьми,
что мне нельзя скакать по тёплым лужам!

* * *

Доверьтесь незнакомым,
неизвестным,
не виденным,
не слышанным,
вот тем,
кто не бывал и рядом с вашим домом,
кто никогда не видел вас совсем.

Не ждите ничего.
Пусть гложет
печаль.
И кто-то,
как из-под воды,
придёт из неизвестности,
поможет,
и в неизвестность уведут следы.

* * *

Когда поймётся: больше не могу.
Оставлю всё
и прыгну в лодку,
и оттолкнусь от берега,
оставив на лугу
лишь след в траве,
чуть видный и нечёткий.

А на воде не будет
ни следов,
ни вмятин пальцев –
ничего не будет.
И ломким оловом белёсых берегов
всё прошлое река полудит.

Забвение туманов и росы.
Прозрачное речное равнодушье.
Здесь жизнь
и смерть
положишь на весы –
не дрогнут чаши,
глушь пребудет глушью.

* * *

Лавчёнка «Семена»,
как ящик с семенами –
чуть слышен пряный запах всех семян.
В иные времена
я временами
за семечком мог разглядеть роман.

Брал зёрнышки,
как будущие судьбы,
держал в ладонях
всё
и ничего.
И как судьба свой не вершила суд бы,
я верил справедливости его.

Вот я опять в лавчёнке с семенами...
Темно и пыльно.
Притолки низки,
и продавец молчит,
как будто между нами
легли века,
сменились языки.

Повсюду семена –
от пола и до крыши.
Смотрю, приникнув к ним и не дыша,
и всё ж не вижу ничего, не слышу...
то ль семена молчат,
то ли глуха душа?

* * *

Чок... чок...
туда... сюда...
Размах убог, и шаг часов ничтожен!
Часами не измерить никогда
ход времени –
не из минут он сложен.
Колёса,
стрелки,
циферблат...
Не то!
У времени совсем другая поступь!

Росток,
бутон
и вот уж лепесток
луч солнца ищет,
как слепой, наощупь.
Цветок опал,
упал семян посев,
и вновь
росток спешит навстречу лету.
И ты,
на землю перед ним присев,
вдруг вспомнишь:
год прошёл,
круг завершён планетой.

* * *

Путь дерева!
В суглинке по колено
и навсегда прикованное к почве,
оно в пути,
оно идёт бессменно,
оно в дороге днём и ночью.

Оно бредёт во времени по горло,
цепляя сучьями и годы, и века.
И листья –
точно плащ, что бурями изорван,
и трещины коры –
забытых слов строка.

Когда-нибудь,
в глубинах зорь далёких
оно придёт к окну неведомых домов
и распахнёт свой плащ,
и бурно брызнут соки,
и люди вспомнят
смысл
давно забытых слов.

НАШ МИР

Кремневый нож и палица,
а против –
мир, ужасом ложащийся на плечи,
мир за охотником следящий на охоте
и кровожадно ждущий встречи.

Потом вокруг костра полянка света,
как островок жилья людского,
и страшный мир
к огню свисает с веток,
чуть отступив, назад стремится снова.

Но на плотах,
пешком,
в долблёных лодках
упорно продвигались следопыты.
Мир отходил и ждал людей в болотах,
стерёг в пустынях и морях открытых.
Со злобной неохотой поддавались
земных просторов голубые двери,
земные недра и земные дали,
земные злаки и земные звери.

Трещали паруса,
трубили пароходы,
сжимались вёрсты, и сближались страны –
всё больше времени вмещали годы,
мир меньше становился неустанно.

И скоро,
зааркaнив зыбкий воздух,
взмыл человек на крыльях неуклюжих.
Земля качнулась,
ближе стали звёзды,
хребты уменьшились, и реки стали уже.

И самолёт оброс металлом синим
и вытянулся узкою ракетой,
и континенты — пять коротких линий –
мелькнули, опоясав шарик светлый.

Мир мал,
он точно тонкая скорлупка
повис на нитке с краешку вселенной.
Поля его нежны,
и города так хрупки,
что могут разлететься в прах мгновенно...

Но верится, что сила не состарит
наш мир, который будет жить без срока.
И шар земной, как голубой фонарик,
навеки вкраплен в свод тысячеокий!

О СМОЛЕ

Смола сосны – не слёзы – пот.
Деревья трудятся веками,
и он по коже их течёт,
и каплет
на песок
и камни.

Я знаю, как им тяжело,
расти, не изгибаясь, прямо –
Ведь также
мысль и скупость слов
рождаются в труде упрямом.

«Литературный Кыргызстан», № 3, 1957 г.

* * *

Есть горе слёзное,
навзрыд,
сзывающее на подмогу,
оно в окно и в дверь стучит,
рвёт волосы и бьёт тревогу.

Есть горе страшное,
молчком,
когда виски руками сжаты.
И седина косым клоком –
за ночь бессонную расплата.

Есть горе тихое,
как грусть,
есть горе дерзкое, как смелость.
Я знаю горе наизусть.
Чтоб знала ты – мне не хотелось.

«Литературный Кыргызстан», № 3, 1957 г.

* * *

Мысль,
полюбившая исхоженные тропы,
бредёт по ним упрямо,
как осёл,
вдыхая запах сена и укропа
и сладкий дым
знакомых с детства сёл.

Трудней всего
схвативши за верёвку,
стащить её силком на бездорожье!
Тогда она засеменит неловко,
в испуге затрясётся мелкой дрожью.

Ей страшно
первой,
в первый раз на свете
ступить на землю без чужих следов:
здесь камень остр
и корни точно сети,
и ветер зол,
и солнца свет суров.

Неловок ты,
и на тебя с дороги
показывают пальцами,
хохочут...
Насмешки смелость заменяют многим,
кто сам путей прокладывать не хочет.

А ты
иди,
споткнувшись, на земь падай
и на осла ругайся, и свисти.
Отныне
станет для тебя отрадой
боль и веселье нового пути!

* * *

Вот череп. Сквозь него – трава.
Нагнись.
Для этой встречи не нужны слова, –
один поклон глубокий сверху вниз.

Пусть будет тишина.
Пусть будет зной,
ты,
ухо приложив к дыре на лбу,
как в раковине, брошенной волной,
услышать должен про его судьбу.

За частоколом стиснутых зубов
ещё живёт и вздох, и смех, и гнев,
и тяжесть слов,
перед которой сникнешь, оробев.

Послушай:
музыка.
Он музыкантом был!..
Пульс молота – он был рабочим.
Дрожь трав – он их в лугах косил,
губ шёпот – слушал среди ночи.

Он был матросом – там удары волн,
шофёром – гул мотора низкий,
броженья гул – он грузный пивовар,
радист – мир тонет в дробном писке.

...Возможно всё,
но разве тут нужна
догадка о судьбе, оборванной когда-то?
Ведь ясно – здесь была война,
он был солдатом.

ВЕСЕННИЙ КУВШИН

* * *

Кусты и деревья – горшки и кувшины,
налитые бледно-зелёной водой.
Как хрупки сосуды весенней крушины,
как трепетна чаша ветлы молодой.

Я их подставляю под ливень весенний,
и слушает
глухо гудящая глушь,
как варится пряное зелье растений
в горячем пару высыхающих луж.

ПРОРУБЬ

Беру пешню и
бью в оскал зелёный,
ломаю
льда и наледи заслоны!

На снежных искрах,
словно сизый голубь,
синее неба
высветилась прорубь.

Теперь
ведром помятым зачерпну
из-подо льда добытую
весну.

* * *

Утром,
когда чист рассвет и лист весенний липок,
воробьи пиликают на сотне детских скрипок.
Веселье бесшабашное в песенке простецкой –
для скрипки переложены
частушки
и елецкий.

И сто смычков неловких
выводят неумело
о мимолётной радости – пожить на свете
белом.

И сотня тонких перьев
скрипит по листьям клейким
грошовую мелодию –
листочек по копейке.

Весёлость желтоклювая
без повода и смысла
во всех дворах разбросана,
на всех сучках повисла!

* * *

На тонких ветках капели нанизь
дрожит и робко, и смятенно.
И капля каждая,
как завязь,
как почка будущей вселенной.

В ней небо с облаками тонет,
в ней травы, города и люди...
Всё спит, как лепесток в бутоне,
и ждёт, когда весна разбудит.

* * *

Это лекарь деревьев.
По влажным бульварам,
когда чёрные сучья вонзаются в синее небо,
он идёт
и лекарства несёт за спиной.
Там паяльная лампа,
долота и вар.
Лекарь знает,
кто здесь болен
и чем,
и сумеет ли выжить больной.

Распугав воробьёв,
он труху из дупла выбивает,
выскребает всю гниль,
что скопилась на сердце у лип:
крошки мелких желаний,
пронырливых, злых древоточцев,
пыльный мох, что на душу налип.

И паяльная лампа
с безжалостным рёвом
жжёт до тла тлен и тлю, дряблость старой коры...
И дрожащее дерево
терпит,
зелёные почки,
как глаза от врачующей боли раскрыв.

Этот лекарь!
В корявой ладони
нож не дрогнет,
и пламя –
острее, чем нож.
Он готовит деревья к весне.
Посмотрите,
как сгорает труха, древоточцы
и ложь!

* * *

Стал снег зернист,
петух поёт из клети.
За ветками сырая вышина.
И капля с крыши прямо в сердце метит.
Весна...

«Литературный Кыргызстан», № 3,
1957 г.

* * *

Кто видел, как выходят из-под снега
прошлогодние, забытые следы:
колеи от колёс телеги,
след сапог, полный вешней воды?

Сколько сил положили метели,
как отгладили, как вылизали наст,
но стереть следы не сумели,
напластовывая пласт на пласт!

Вся работа их весной насмарку –
снег становится тоньше слюды,
и шагают по припёкам жарким
прошлогодние, забытые следы.

СМОЛА НА КОРЕ

* * *

Поджарые сосны и тонкий вереск,
и тонкие иглы в сухом песке.
И сучья скрипят, словно старые двери.
И лето висит на одном волоске.

Но текут ещё смолы, на солнце расстаяв,
колышется над дюнами слоистая хмарь,
и всё глубже годичные кольца врастают,
и время в стволах каменеет, как янтарь.

Когда-нибудь
присмотришься к неровному срезу,
разыщешь глубоко запрятанный слой,
и снова сучья скрипнут старым железом,
и лето,
прощаясь, повиснет над головой.

ДРАКОНОВО ЯЙЦО

В жару
в бору –
там варево кипит
из шишек, земляники и смолы.
И корни,
скорчившись между гранитных плит,
от жара вяжутся в корявые узлы.

А в самом пекле,
в огненном песке
валун,
досиня солнцем накалён.
Вот лопнет... и в беспомощном броске
забьётся огнедышащий дракон!

Возьму птенца и посажу в мешок,
и каменных скорлупок наберу.
Я докажу в ответ на ваш смешок,
что чудеса ещё живут в бору!

* * *

Река – мозаика живая
из камня,
из воды
и света.
Мешая краски, линии ломая,
она смелее всех творит картину лета.

Извилистые пятна и разрезы,
мерцанье ряби
и литьё волны.
Вдали
пластины ржавого железа
оплавлены в янтарь
и в мох заплетены.

У берега,
как мятый шёлк и шкуры,
свернулось отражение лесов.
На середине
клин зелёно-бурый –
узор травы, песка и облаков.

За мелями,
на чёрных струях
застыла вязь плотов,
и впаян в дым буксир,
и отраженье сокола,
тоскуя,
из облаков летит в подводный мир.

На мостике буксира девушка.
Рябиной
горит и плещет платье с высоты,
и отсвет падает на воду каплей длинной,
звенящей каплей новой красоты.

* * *

День был замешан на лучах,
на листьях и тумане.
В высоких голубых печах
он пёкся ранней ранью.

Вот он готов, и можно взять,
впивать, вдыхать и слушать,
и без него прожить нельзя –
он насыщает душу.

* * *

Ни росчерка,
ни лишней линии –
так строг и точен Енисей.
Наметил горизонт
и облако
и бросил в небеса гусей.

Не надо берегов!
Лишь зубчато,
легонько острою пилой,
тайгу подправил где-то скраешку,
медвежьей шубой кинул зной
и ветер погасил,
и выпустил такую светлую лазурь,
что глаз её не может вынести
и видит только сквозь слезу.

Там гуси растворились начисто,
как будто не было гусей
и ничего на свете не было...

Был
лишь полярный Енисей.

БАРЖА

Любовь для всех становится уделом.
Вот рябью перехвачена река,
и ветер низовой
с бесстыдством смелым
хватает баржу за бока.

Цветочной пылью и гречихой пьяный,
он легкомыслен,
хоть познал весь мир –
ему –
плевать,
что у баржи-беляны
есть свой законный, старенький буксир!

Её он валит,
рвёт брезент и снасти,
поёт и стонет меж вспененных струй.
Он не скрывает ветрогонной страсти
и лепит в бёдра
мокрый поцелуй.

Пускай буксир скрипит своим канатом
и злобу вымещает на воде!
Беляна встала возле переката
и не желает на него глядеть!

Ей нравится
шальная бесшабашность

и страсти стон,
и грубых ласк разгул...
но в радости
ей от предчувствий страшно –
кто видел,
чтобы ветер
вечно
дул?

Сосновым сердцем, угадав измену,
душой рогожной, чувствуя беду,
она считает страстью –
клочья пены,
любовью –
песню, спетую в бреду.

Как ветренного счастья век недолог!
Беляна ещё верит в лучший час...
А ветер на холмах в заречных сёлах
уж с мельницами затевает пляс.

Всё успокоилось и спит в вечернем дыме.
Буксир
и ветер –
все давно ушли.
Одна баржа слезами смоляными
тихонько плачет, стоя на мели.

ЗАРУБКА

ЧУМ

Это за Подкаменной Тунгуской,
где на острове песчаная коса.
Там ветра бормочут не по-русски,
на реку туманы побросав.

И стоит,
продравшись сквозь столетья,
вечность, как сову, прижав к плечу,
старше всех на этом старом свете,
из шестов и шкур
мохнатый чум.

Где-то
стороились и гибли пирамиды,
время камень смывало в прах.
Здесь
дымок над чумом
так же руки вскидывал,
пальцы искупав в туманах и ветрах.

Снасти, страхи, страсти –
как и были.
Та же лодка притулилась у коряг.
Где-то мимо корабли истории скользили,
на закат и на восход роняя якоря.

Из глубин времён и непогоды,
Таящие, как весенний лёд,

пусть приходят и проходят теплоходы
и в динамиках мелодия поёт...

Чуму
всё равно.
На острове далёком,
иссечён ножами лозняков,
глазом костровым,
дымящим оком,
он, не видя, смотрит из веков.

* * *

Как огонь-то ластится к дровам –
Пьёт смолу, грызёт сухие сучья
и глотает с дымом пополам
звёзд лучи из глубины дремучей.

Он пришелец из других миров.
Видишь:
ночь весь свет с деревьев смыла,
но огонь висит между стволов
каплей солнца,
сгустком звёздной силы.

* * *

Не доверяй
ни камню,
ни кустам.
Вес тела твоего
им для того и нужен,
чтобы с песком и глиной пополам
ты был обвалом схвачен и завьюжен.

Корням и сучьям
жизнь не доверяй
и о предательстве хвои сосновой помни –
скользнёт нога,
и пальцы схватят край...
и скалы бросят крик в каменоломни.

Надейся лишь на мышцы и глаза,
на мудрость ног
и тонкий разум тела.
Ты сердце волей к скалам привязал –
и камень сдался,
и душа запела.

* * *

Опять на Ангаре волна!
Плащи сдирает ветром с плеч.
Скала и дождь –
к стене – стена,
и в лодке
течь.

Вода кипит и руки жжёт,
и кожу на лице саднит,
как будто сводит злобный счёт
река с людьми у скальных плит.

Захлёбывается мотор.
Валы, как валуны круты,
бьют в днище
выстрелом в упор,
секут,
как мокрые жгуты.

Ременный ветер. Сотня жал.
Дрожь лодки.
Жалкий скрип доски.
И в небе
у промокших скал
седеют мшистые виски.

В душе и радость,
и порыв,

и страх –
свинцовей, чем свинец...
А в сердце –
злой азарт игры,
где смелость – жизнь,
испуг – конец!

ДОЖДИ

* * *

Кто там ходит всю ночь на ходулях
и палкой стучит по тугим лопухам?
Куда ни пойдёшь –
в огороде,
в саду ли –
везде долговязые долбят ходули,
и шепчется кто-то по тёмным кустам.

«Летучую мышь» засвечу
и, пригнувшись,
чтоб капли с листвы не спугнуть,
подойду,
и дождик,
ходули ломая о груши,
с испугом замечется в мокром саду.

* * *

Окно открою –
лучше слышно ливень,
и чётче поступь капель
и слышней,
как пузыри звенят,
лепечут ивы,
и горький запах льётся с тополей.

Рассветный дождь.
Сквозь пасмурную сырость
в окно трубит зелёная труба
о том, что солнце в каплях растворилось,
что стала чёрной наша городьба.

О пустынях великих –
песнь природы,
о брызгах, заслонивших небосклон,
о лепестках раскрывшихся,
о мёде,
о сердце,
не раскрытом, как бутон.

* * *

Сибирские дожди
на сотни километров
навесили намокшее крыло.
Запутались в степях косые ветры,
метлой дождей ударили в стекло.

Сидеть и слушать,
как бурчит спросонья
похлёбка,
и в желтеющей куге
за дверью на болоте ветер стонет,
и ходит дождик на одной ноге.

О, этот дождь
косой и одноногий,
прохожих поджидает за углом!
Ему подвластны долгие дороги
и каждый день,
и каждый час, и дом.

Наверно, так,
неслышная для слуха,
невидимые чётки теребя,
приходит осень –
зябкая старуха –
в сибирской шали ветра и дождя.

ДОЖДЬ НА ДОРОГЕ

Дождь редкий,
струи, точно жерди,
как покосившийся под ветром старый тын,
он сломан сзади,
искалечен спереди
толчками и ударами машин.

Дождь выщербленный, тощий, колченогий,
Он ковыляет, точно инвалид,
и неумело
камни на дороге
от пыли очищает и скоблит.

Он моет загрязнившиеся скаты,
он мокрой тряпкой водит по бортам.
Дождь, сбитый с ног, усталый и измятый,
он до конца настойчив и упрям.

Он в верности становится назойлив...
Но час приходит. И под гнётом бед,
отравленный бензином и газойлем,
дождь, обессилев, падает в кювет.

ТЁМНОЕ НЕНАСТЬЕ

На ломаных молниях
об руку с тёмным ненастьем
дождь недобрый идёт.
Он посевы сечёт,
рвёт листья,
ломает ветки
и швыряет крыши вразмёт.

Ливень злобно кромсает землю:
вспорото поле,
как рана овраг.
Бурой пеной вздувает ручьи,
и намокшие птицы,
запутавшись, бьются
у дождя в волосах.

Дождь жесток,
он всё круче и всё острее.
Капли с градом, как дробь из ружья.
Люди в окна не смотрят.
Обтянуты скулы,
молча жёны сидят,
молча сникли мужья.

Длинный кнут водяной
хлещет землю сразмаха,
лепит в стены,
со свистом врывается в дом.

Зажми уши ладонями,
стисни до хруста череп –
всё равно будет слышно, как поле
кричит под кнутом!

НОЧНОЙ ДОЖДЬ

Вечером, вкрадчив и тих,
дожь прошёлся по саду.
Худыми руками обшарил все листья,
расправил цветы и рассаду,
и крапиву росинками выстелил.

Дрожащие, робкие
капли
слились в поволоку.
Свет от окна
заблестел на стволах и на ветках.
Дождь осмелел
и пошёл, как мальчишка,
с прискоком –
сад загонять
в водяную прозрачную клетку.

Разбуженный ветер
поднялся,
зевнул
и несмело
ударил по струнам дождя;
вода изогнулась танцовщицей гибкой
и тихо запела,
между пальцев его пройдя.

Яблони, продрогшие от сырости,
отряхивались, как собаки,

и каждая травинка хотела вырасти
и так же, с шумом на ветер наскакивать.

Лишь в полночь
всё угомонилось
и улеглось,
завернувшись в туман.
Кто знает,
скажите на милость,
откуда взялся этот дождь,
этот ветер
и мокрые листья?
Как зародились они?
Из каких семян?

«Литературный Кыргызстан, № 3, 1957 г.

ВОДА И ВЕТЕР

От ветра и воды нельзя вздохнуть.
Ком ветра и воды стоит у горла.
Косые струи, преграждая путь,
буравят землю, как стальные свёрла.

В зелёной бездне ветра и воды
деревья стали водорослью длинной.
И уплывают из-под ног следы,
наполненные серебром и глиной.

Не различить, где ветер, где вода –
гремящий столб сплошного водопада!
И молнии, вцепившись в провода,
бьют клювом землю раз по двадцать к ряду.

Сливаюсь с бурей, с ветром и водой.
Я капля крови в ливневом разливе.
Плыву вперёд, смеющийся и злой,
ломаю струи и впиваю ливень.

НИТИ ОСЕНИ

* * *

В лесах всё – цвель и ржа.
Вцепившись ножкой тонкой,
каждый пенёк, дрожа,
сторожат
опёнки.

Леса – это погреб сырой,
полный ягод рябины, грибов и гнили.
Там весенние соки спят под корой,
как в замшелой бутыли.

Хрусткой чащобой,
по волглой траве и бруснике
ломится осень с кошёлкой:
птиц распугала,
и птичьи крики
сыпятся шишками с ёлки.

Что здесь хорошего?
Сырость, серость и сирость...
Вечером дождик,
утром туман стеной.
Поздняя осень,
кому она полюбилась?
Кого покорила?
Какой красотой?

* * *

Кровь августа – шиповник и брусника.
Синиц трещотка в сосняке за скалами.
Ступает осень трепетно и дико,
бредёт чащобой и таёжными завалами.

Какая чёткость красок и границ!
На чёрном камне белый мох
и колокольчик синий.
Скалой разрезан мир
от силуэтов птиц
до водорослей, спрятанных в пучине.

На гарях,
возле обожжённых пней
толпится молодняк осинника продрогшего;
и снялись журавли с болотных якорей –
бить грудью облака на ледяное крошево.

Из ярко-синих окон наверху
им видно,
как в ногах у старых сосен
по твёрдой чешуе брусничника,
по мху течёт кровь августа,
в тайгу крадётся осень.

* * *

На простуженном,
хриплом органе,
где трубы продырявлены лучами звёзд,
где лёд косыми иглами пальцы ранит,
где мёрзлые дороги легли вперехлёст, –
играет ноябрь.

На бровях его иней,
в бороде его листья,
в глазах туман.
И мелодия
в далях зазвёздных стынет,
и во всём бесконечном осеннем мире –
одинокий ноябрь
и охрипший орган.

* * *

День свеж и рыж,
и ветер к югу сносит
негреющее пламя лозняка.
Река синя, как дым,
и гулко дышит осень,
подняв в душе мятеж
огня и сквозняка.

Костёр лесов.
Прозрачным вихрем взмыта
вся охра, медь и золото земли.
Насквозь гудящим пламенем пропитан,
горю в огне цветов,
что летом отцвели.

И радостно,
и жаль, что время гасит краски,
что скоро дождь ударит в бубен крыш.
Иду через кусты,
бреду по глине вязкой,
шагаю без дорог...
А день и свеж, и рыж.

* * *

Безвкусен воздух осени в лугах.
Белёсо небо.
Щуплы травы.
Одни стога хранят в своих горбах
бродила исцеленья и отравы.

В них лето до весны заключено,
и стоит только
в бок всадить им вилы –
густым потоком потечёт вино,
которое в их недрах набродило.

В вине
и мёд,
и острота осок,
и крепость луговой клубники,
в нём рябь реки вгрызается в песок,
и брызжут медью солнечные блики.

...В стогах уснули травы,
и тебе,
когда серо и небеса корявы,
так радостно
из голубых стеблей
пить запах исцеленья и отравы!

СЛЕДЫ

Дом опустел:
следы ушли к дороге.
Опали вётлы.
Обнажилась даль.
Два следа на полу,
два следа на дороге,
два следа чуть видны,
чуть вмяты в цвель и вяль.

Они слились с песком и колеями,
с травой набрякшей,
с выцветшей листвой...
Следы ушли со многими следами:
своя у них судьба,
и век у следа свой.

Рука дождей под тучами худыми
их стёрла и рассеяла, как дым.
Где ж отыскать знакомые следы мне,
которые ушли,
оставив дом пустым?

* * *

Колючий сад,
он зло топорщит сучья
и рассекает даль на сто частей.
Как медный нож, ветловый лист
ждёт случай,
сорвавшись,
взрезать землю до корней.

В ноябрьскую безжалостную пору
деревья остры,
сад
непримирим.
Он зло встречает зло,
и ёжатся просторы,
в жестоком споре дрогнув перед ним.

Не верится:
лил дождь из синих вёдер,
и солнце
выжидало, чтоб прильнуть
к изгибам яблонь,
точно к коже бёдер,
и к грушам,
обнажённым, словно грудь.

Всё позади.
Какая скудость цвета,
как режет глаз сырых стволов излом!

Колючий сад хлыстом железных веток
на зло природы
отвечает злом.

* * *

О, маленькое чудо осени –
комочек звона тонкого и перьев.
С каких планет
в осенний мир заброшены
наивность
и беспечность,
и доверье?

Чуть слышно,
еле видно.
В неприметности
есть странная и медленная сила –
она тихонько разрушает крепости,
но не находит у людей мерила.

Бесцельна и бездумна,
и бессмысленна,
бескрайность мира
поместилась в птахе.
И сердцу хорошо,
узнав, где истина,
тревожно ёкнуть, сжавшись под рубахой.

* * *

Осень краски украла.
Под плащ её серый
долы
и дали заметены.
Становится осенью
море
мерой глубины и голубизны.

Облезлой осенью
море – мрамор,
море – марена и малахит.
Юным ихтиозавром
осеннее море рычит.

Море со скудностью серой грызётся,
ярясь и когтясь, как июльский пожар.
Глядя на море,
любое болотце,
камыш разодрав,
в берег илистый бьётся
и хочет,
как море,
обнять земной шар.

* * *

Краснокожая,
тихая осень
индианкой пугливой идёт по лесам.
Через синь,
через хлябь её след переброшен,
где сомкнулись дожди
к полосе – полоса.

На кострах из осины
кипят и шевелятся краски,
по щекам и по лбу
растекаются бликом на блик.
И ступает по пламени с детской опаской
индианка,
таящая в горле испуганный вскрик.

Ноги в глине,
одежда
ветрами помята,
и клочок за клочком остаётся на каждом стволе.

Так идёт индианка,
и тянутся нити заката
по осенней,
осиновой,
северной нашей земле.

* * *

Река в холодной чешуе,
в наплывах туч
и в измороси тощей.
Буксир последний прошумел
и смолк в туманной толще.

Как тяжко он дышал,
как воду бил,
поранив о песок сырые плицы.
Он лето, словно баржу, утащил,
и замерла река, и смолкли птицы.

* * *

В полях слюда и соль,
а на реке стекло.
Железный жжёный лист
на каменных деревьях.
Как будто жизнь ушла
и унесла тепло,
и увела людей в далёкое кочевье.

И только под слюдой,
где озимь замерла,
да в почках,
вмёрзших в каменные сучья,
чуть тлеют
светляки весеннего тепла,
и прячутся тревожные созвучья.

ПЕРЕПУТЬЕ ВРЕМЕНИ

Точно комья снега ядрёные гуси.
Река зелена и чиста, как лёд,
но нет седины в её косах русых –
снег берегов её не сечёт.

Перепутье времени: не зима, не осень.
Тучи круты, день короток, земли сыры.
Для людей на дорогах ветер несносен,
и деревья дрожат под накидкой коры.

И как домовито в неуютности этой
урчанье мотора и гусениц гвалт!
И тракторист огонёк сигареты,
крупинку тепла между губ зажал.

С маленькой верфи у речного затона
грохот кувалды, скрип стального листа
отдаются в ушах
и в полях,
ноябрём обожжённых,
и в гулких лесах.

Мир осенний. В природе сонливость и вялость.
Только труд своим ритмом живёт.
По прибрежным полям,
по холодной реке расплескались
сердцу близкие звуки работ.

* * *

Радость первого снега!
Цветенье уснувших деревьев,
искры ягод рябины в ледяных зеркалах.

Ухожу по звенящей дороге,
по иглам, пронзающим лужи,
ступаю на снежную пряжу, не знавшую прях.

Скоро будет костёр,
густо вспыхнет береста,
и сырое сучьё засвистит, словно дрозд.
Лап еловых сломаю,
свалюсь в смоляную чащобу,
в кутерьму мельтешащих снежинок,
рябины и звёзд.

ЭТО ГОРОД

* * *

У каждого музея краеведенья
свой волк,
свой филин,
свой седой медведь.
Из ниш на посетителей наведена
узорчатая пушечная медь.

Кость бронтозавра,
а над ней – баталия
и диаграмма:
как возрос удой.
И вдруг,
княгиня
с невозможной талией
осой висит под картой областной.

История...
Из всех её извилин
что было – никуда не уберёшь.
И тихо смотрит
осовевший филин
на засухоустойчивую рожь.

* * *

Я люблю переулок.
До щербатых карнизов,
до голубятин костлявых
он тишиной тополиной налит.
А в небе
могуч, как бунтарский вызов,
краснопёрый закат
спины крыш
и деревья
когтит.

Это спор безмятежности и урагана
космических красок,
битва уюта и бесприютных просторов.
Над переулком
в дремоте вечернего часа –
вихри вселенной
и мрачного Космоса норов.

И заглядевшись на бешенство поднебесья,
взявшись рукою за тощую жердь голубятни,
мечтатели в бездну вселенной ноги босые свесят
и будут впивать и слушать говор светил невнятный.

* * *

Все памятники
в снегопад
нелепы.
Великий снег их делает смешными.
Такого им в таких местах налепит,
что хоть стирай из-за конфуза имя!

В платок по-бабьи наряжён
писатель.
Философ нацепил песца на фрак.
Актёр стал длиннонос, как дятел,
поэт
клешняст и мелкоглаз, как рак.

А снег всё лепит,
с грубою издёвкой,
глумясь над тем, кем всякий восхищён.
Прохожие смеются.
Им неловко,
но что поделать, коль кумир смешон!

И всё из-за чрезмерности бескрайней,
из-за того, что снег
без всяких мер
набросан
и навален здесь случайно
без стиля,
без искусства,
без манер...

Великий снег
он падает без меры,
не становясь от этого смешным.
Наверно,
есть величия пределы,
да мы
кумиров мерим не по ним.

ПОСЛЕДНИЙ МЕРИН

Наивный запах лошадиного пота
в тесном дворе у овощной палатки:
смирный мерин, придавленный работой,
тихо размышляет о торговых неполадках.

Здесь, среди мешков с морковью и капустой,
вряд ли кто найдётся сильнее и выше.
Здесь никто так вдумчиво не судит об искусстве,
просмотрев рекламы и пробежав афиши.

Мерин разбирается в огурцах и сене,
и вопрос о стойле его волнует тоже...
Он мешкам с капустой в этот день осенний
многое сказал бы, да говорить не может.

И грустит, не понят и никем не признан,
в куль слезу роняет и бормочет что-то
глыбам серых зданий, жёстких, точно призма,
миру электроники, ракет и самолётов.

ПОСТУПЬ ЛЮБВИ

* * *

Смыкаются невидимые двери,
И, кажется – их створки не разнять.
При расставаньи никогда не верю,
что позже мы увидимся опять.

Но где-то там, нежданно и случайно,
законы расстояний преступив,
ты возникаешь трепетно
и тайно,
звучишь опять, как прерванный мотив.

Пытаюсь разгадать тебя, пытаюсь
запомнить, чтоб всегда носить с собой...
Но снова створки строгие, сдвигаясь,
смыкаются бесшумно за спиной.

* * *

Из дыма волосы,
глаза из бликов,
и губы – как разлом медовых сот.
И проступают капли земляники
там, где ступня среди стеблей встаёт.

Идёшь между звенящих зноем сосен,
по лугу, по куриной слепоте.
Как жаркий мех,
на плечи полдень брошен,
а плечи –
зависть белой бересте.

Не уловить тебя в мои тенёта,
силками силы тоже не поймать.
Лишь осенью,
когда ломают соты,
мне с горечью
о мёде вспоминать.

* * *

Забыл слова, забыл напев я,
забыл и голос, и наряд.
И только древние деревья
обличье давнее хранят.

И оказавшись у стволов их,
как бы во сне опять живу
напевом, обликом и словом,
что здесь звучали наяву.

* * *

Нет, это не для слуха,
не для зренья.
Лишь сердце чует, сдерживая страх:
пружиной ржавой
выпирает время,
не помещаясь в сломанных часах...

Слова не умещаются в сознаньи –
смысл раздирает одеянье слов...
Всё вперекос.
Какое наказанье,
когда беда срывает с бед засов!

И сворою в распахнутые створы
кидается вся горечь и вся боль,
и жизнь – пустяк в круженьи этой своры,
и на губах – одна морская соль.

И сломаны часы, как память об утрате...
И сердце больше не желает жить.
Но всё же
под разбитым циферблатом
ещё пружинка слабая дрожит.

* * *

В эту ночь, что черна и бела,
для тебя одеяньем была
тьма и тишь,
и тугие браслеты
из зелёного лунного света,
узкий плат
весь из прорезей лунных,
да волос молчаливые струны,
да по звёздочке синей в ушах...

Ты всё это сняла, не спеша.

Но запомнились
только браслеты.
Где нашла,
потеряла их
где ты?

* * *

Я боюсь поездов.
Этот крик тормозного железа
проникает сквозь сердце
и горечью губы кривит.

Жизнь разрезана,
город твой – напрочь отрезан,
ты отрезана –
рельсы уходят в зенит.

Но когда лапы лиственниц
осень проржавит
и осинник осыплют фольга и слюда,
когда дождь,
припадая к окну,
в сотнях капель тебя отражает,
я люблю,
я люблю,
я люблю поезда!

* * *

На пашне – яблонь лепестки,
на первозданных комьях – чудо.
Прощальный взмах твоей руки –
весны последняя причуда.

Всё возвращается к земле,
к её пластам животворящим.
От давних вёсен разомлев,
мы лепестки по пашне тащим.

Отставший от костра огонь,
отходит к теплоте вчерашней.
И вот уже твоя ладонь –
как лепесток за свежей пашней.

* * *

Разве что-нибудь значит,
о чём говорить?
Лишь бы голос услышать,
один только голос...
Дрогнул голос, как волос,
как тонкая нить –
и стекло расстояний тотчас раскололось.

Будто губы коснулись,
как будто ладонь...
И не провод,
а просто вот здесь, где-то рядом...
Тёплый воздух призывно и трепетно тронь –
и пронижет
пронзительно-нежным разрядом.

...А о чём говорили,
не помню, забыл.
От рассеянных слов и не ждут урожая.
Только голос
знакомыми взмахами крыл,
расстоянья сломав,
нас с тобою сближает.

* * *

Был хворост
и запах весенней земли,
и прозелень веток над нами...

Тот хворост
в тугие плетни заплели
и нас разделили плетнями.

А хворост был мягок...
И ярок был день,
Шмелями, гудящий упруго.

Как мог этот хворост завиться в плетень
и нас отделить друг от друга?

Зажечь бы его на прощанье костром,
спалить,
чтоб следа не осталось,
чтоб ломкие угли хрустели потом
и травы
сквозь них пробивались.

* * *

Хочу стать кувшином,
чтоб ты в меня вылилась терпким вином.
Пусть гончар меня сделает добрым кувшином,
чтобы ты отстоялась во мне,
обрела свою крепость и свой аромат.
Пусть я стану лишь глиняным грубым сосудом –
лишь бы ты поместилась в меня,
лишь бы стало удобно тебе
изнутри обнимать мои стенки.
Роспись мне не нужна,
украшений на горло не надо.
Стать кувшином,
наполненным только тобой,
лишь тобой – до высокого горла.
О, гончар, обжигай меня осторожней!
Если трещина будет –
вино не удержится долго,
оно утечёт,
я останусь пустым...

Я хочу стать кувшином.
А ты?
Ты захочешь стать терпким вином?

* * *

Колечко – в колодец,
серёжки – в реку,
алеет платок на корявом суку...

Пошла поперёк, не хотела поладить.
Ни ладу,
ни сладу,
ни сада в ограде.

И дом опустел,
и не топится печка.
Серёжки в реке и в колодце колечко.

* * *

Под утро дождь.
Конец.
Упало лето –
на глине поскользнулось, ослабев.
Ты, в незнакомый плащ переодета,
идёшь в глуби изодранных дерев.

За прорезью листвы
так смутно и так робко
прочеркнут контур зябкого плаща.
Дни прошлые
в осенней тёмной топке
намокшими поленьями трещат.

От их огня
душе все бесприютней.
И ждётся
только изморось да снег.

Играет осень на старинной лютне
одну и ту ж мелодию
для всех...

* * *

В берёзах
свежим нахлестом –
зелёная метель –
ворота влажных веток
срываются с петель!

В пролёт – навылет лихо
бьёт ливень листья в лёт.
И кожура от почек
жуками в синь плывёт.

И прядь волос,
как молния –
через лицо стрелой,
и губы,
как зарницы
сулят весенний зной.

Зелёными сугробами
всю рощу замело.

Когда всё это было?
Куда это ушло?

* * *

Ярость солнца азийского
на плечах твоих, на руках, на груди.
В волосах – душный дым саксаула.
Это пламя песков.
Это кровь разъярённо гудит.
Это ты
своим жаром неистовым
к встречному жару прильнула.

Открываю губами
солёный миндаль на губах,
угораю
в углях твоих жадных жаровен.
Растерзала – пропал
и тобою пропах.
Сам себе я не равен
и трудным дыханьем неровен.

Задыхаюсь,
в любимых барханах тону,
таю,
тайну таю и тебе не открою.
И на ощупь бреду
в полусне к полусну
незнакомой
и вечно знакомой тропою.

* * *

Не берегут любимых,
не щадят.
Всю тяжесть – им,
и все несчастья – им.
Во времена любви
среди счастливых дат
их душат горем пасмурным своим.

Любимых мучат,
жучат день и ночь –
любовный пыл безжалостен и лют.
И чем счастливей любят,
тем жесточе
терзают злом
и тяжестью гнетут.

* * *

Весь день был снегопад.
Горел костёр.
Смешалось шуршанье снега с шёпотом огня.
Смешались наши взгляды,
и смещались
круги судеб
к тебе и от меня.

Ломились ветви.
Густо пахла хвоя.
Весенняя тоска была остра.
И руки, прорастая, как побеги,
тепла искали,
но не у костра...

Последний снег
и первый день весенний,
и тонкий звон невидимых синиц,
и капли, с лап заснеженных свисая,
касаются то рук, то губ, то лиц...

ВЕШНЯЯ ТАЛОСТЬ

Старинным ключом отперла этот город,
вошла и впустила весеннюю сырость.
Вздохнула – и лёд на реке перемолот,
и пар, как подснежник, над площадью вырос.

Всю копоть и накипь сгоревших столетий
скользящей улыбкою с города смыла,
омыла капелью меня на рассвете
и пылкость мою сберегла от распыла.

Сберёгся у губ запах талости вешней,
у волглых волос привкус ветра и дыма.
И не было наших объятий безгрешней,
и нету любви, что как наша ранима.

...Тот город остался давно и далёко,
но в чудо твоё не могу я не верить.
Я знаю: ты ждёшь невозможного срока –
опять отпереть его древние двери.

* * *

Всё знаю: там руки и губы в малине,
берёзовый лист холодит
лоб и плечи,
роса в волосах и траве, точно иней,
у глаз светляки, словно синие свечи.

Я знаю – там душно в тумане поляны:
костры на щеках,
и под сердцем уголья,
и в каждом касанье, как в пламени пряном,
голодная радость соседствует с болью.

Всё видел, всё знаю,
но снова ещё бы
пошёл, когда полночь уже на излёте –
послушать, как льёт тишина из чащобы
неслышную музыку
леса
и плоти.

* * *

Стать дурочкой,
полнеющей от долгих поцелуев,
есть сладости,
пить лёгкое вино,
день путать с ночью,
радость кожей чуять
и видеть явь, как продолженье снов.

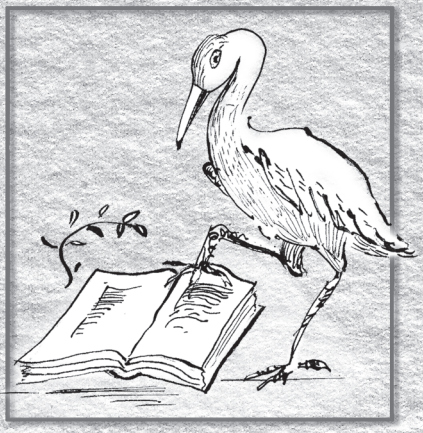
Проснуться в полдень,
скомкать одеяло
и яблоком, заев влюблённый взгляд,
подумать, что и многих взглядов мало,
когда глаза влюблённые глядят.

А в полночь
лунный луч поймать ладонью,
продрогнуть, утомлённой и нагой,
и в волосы закутаться спросонья,
и узкий туфель отыскать ногой.

Жить радостно,
жить чувственно,
чтоб губы,
чтоб груди и глаза здоровьем зацвели...

Пусть это грубо.
Только, словом грубым
не называйте радости земли.

ДЕШЁВАЯ ПОЗОЛОТА

* * *

На лицах, точно в книге для приезжих,
всё оставляет подпись или след.
Совсем недолго, пока детство брезжит,
чиста страница и помарок нет.

Но вот раздумье, первое по счёту,
лоб прорезает ниточкой прямой,
потом приходят властные заботы –
у каждой
норов свой и почерк свой.

А дальше годы ставят отпечатки,
ложится желтизна и впалость щёк,
и страсть свой росчерк оставляет хваткий,
исписывая за листком листок.

Между морщин, изогнутых и сложных,
страстишки жадности, тщеславия и зла
свой мелкий бисер сеют осторожно,
сводя все подписи к запутанным узлам.

И кажется –
нет места на страницах,
исчерченных заржавленным пером.
Но книга всё равно для подписей годится,
и новые жильцы въезжают в старый дом.

* * *

В бессмысленной, настырной толчее,
где всё рассчитано
и все – напропалую,
намалевав серьёзность на челе,
чиновники
толкутся и толкуют.

Я бестолков к толковым их речам,
ведь бестолочь толочь – какая новость!
Перетолковывать толковым толмачам
передаю чиновничью толковость.

И ухожу,
чтоб бестолку стучать
корявой палкой в светлые рассветы,
чтоб ждать, как солнце встанет на лучах,
как из бутонов
вылупится лето.

* * *

Он сторожит арбузы
ночь насквозь.
Они в ларе железном.
Он в дожде.
Он стар и согнут,
словно ржавый гвоздь,
и в улице торчит, как в городьбе.

Какие сквозняки,
какой поток!
Как муть тумана зла и холодна!
Как ноги ломит,
как долбит в висок
вся жизнь,
и без покрышки,
и без дна.

Все дни,
все годы,
вся судьба,
весь свет
сомкнулись клином на его плечах,
свели все счёты всех прожитых лет
и сдули все огни
на всех свечах.

Остался
только непогоды вой,

когда болезни точат страшный клюв
и прошлое висит над головой,
устало крылья слабые свернув.

Осталось
сесть продрогшим стариком,
на плечи балахоном вздев мешок,
и сторожить арбузы под замком
в ларе из прутьев, толщиной с вершок.

* * *

Жалкая роскошь гостиницы:
позолота дешёвой лепнины,
пуфов пыльная вата,
гардины, ковры и картины –
всё потёрто, потрёпано, аляповато.

Ресторана никчемная чопорность.
Неприкаянность пьяниц.
Ненужность кутящих студентов.
Ананасы. Капуста.
Рязанец и итальянец.
Всё раздёргано,
всё мельтешит, словно старая кинолента.

Вина сдобрены спиртом,
водою разбавлена водка.
Заливное:
«осётром» называют леща.
Переврали мелодию –
вместо вальса – чечётка.
Заглушили певицу –
две флейты вразброд верещат.

Все проездом,
все мимо. Жизнь на колёсах.
Никогда не увидимся –
здравствуй – прощай.

Вечен только швейцар
с наглым, жалким вопросом,
у дверей изогнулся: «не дадите ль на чай?»

Холодными окнами в тьму заклинивается,
рисуется, как пошлая мазня на холсте.
Нелепой колымагой громоздится гостиница,
по ступицу, увязшая в дешёвке и суете.

* * *

В театре
освещенье много значит:
включают голубой фонарь –
и месяц над леском маячит,
и в зал течёт ночная хмарь.

Потом фонарь включают красный –
лесной пожар и пламя до небес.
И зритель ёжится –
опасно...
зал вспыхнет и сгорит, как лес.

Уходит зритель,
и механик ловкий
свет солнца выпустил на сцену из окон,
и в миг
луна повисла на бечёвке,
и превратился лес в бумагу и картон.

* * *

Есть у вещей дремучая душа,
есть злой характер
и слепая сила.
Вещь входит в дом – и тяжело дышать,
и кров родной становится постылым.

Я видел, как ковры и хрустали
детей от матери со злобой отрывали,
как побрякушки страшные вели
к злодейству,
в тюрьмы,
в каторжные дали.

И всё же,
их ни в чём нельзя винить.
Мы на любом суде их не осудим,
хоть в глубине у них
таится нить,
ведущая в сердца и в души к людям.

* * *

Что нужно для рожденья красоты?
Обсосок фиолетовой помады,
осколок зеркала,
сгустившаяся тушь
и больше ничего не надо.

Мерцают губы, светятся глаза
и на щеках напудренная свежесть...
И эта яркость, острая, как боль,
вонзается в глаза и сердце режет.

ВЕРТИНСКИЙ

На меловом лице надломленные брови
и рук холёных чуть небрежный жест,
и в каждом слове
есть что-то странное, далёкое,
но есть!

Две белых кисти у лица,
и в зале
по янтарю, по зыбкой бирюзе
плывёт корабль в индиговые дали,
где не бывать ни буре, ни грозе.

Ненастоящая страдает королева,
и распускаются порочные цветы,
и ангелок с рождественского древа
крылом сусальным навевает
маэстро жалкому
картонные мечты.

Фарфоровый Китай,
Россия под снегами,
банановые пальмы под дождём...
Всё в нереальности,
всё точно в тонкой раме
под голубым изогнутым стеклом.

ЧУЖОЙ МИР

Балаган.
Узнаю его – весь он, как был.
На базаре, на ярмарке
на ветру парусиной трещит.
Зазывалы и клоуны глотки дерут,
выбиваясь из сил.

И не хочешь – войдёшь,
не приемлешь – возьмёшь:
уведёт, увлечёт, улещит.

Пусть нейлон на плечах,
синий лак на ногтях,
сигарета в зубах...
Пусть гудят электроны
и светится мутный экран.
Лишь взойдут на подмостки,
да ухнет под ухо труба – узнаю балаган!

Проходные дворы этих студий пустых,
сквозняки коридоров,
бутафорский, картонный уют.
И вчерашних программ позабытые всеми листы,
безнадёжная жалость
в эфир улетевших минут.

Эти лица изжёваны взглядами до синевы,
эти плечи зашамканы ртами до самых костей.

Рот разодран улыбкой –
он слаще халвы,
и он горше, чем желчь,
и он уксуса злого кислей.

Балаган.
На границе искусства,
за гранью экрана, он там,
где бездушная башня
по небу чертит электронным перстом.
Где душа человека не верит своим же мечтам,
где глаза человека не верят ушам
и где сердце не верит глазам и ушам,
где лишь ветер
в сырой парусине и в мире пустом.

* * *

Что думала пальма в углу ресторанного зала?
Её обманули,
но разве она понимала?

Ей было уютно в табачном тумане белёсом –
здесь холили пальму и чистили пылесосом.

Лишь раз её вынесли.
Ливень хлестал из ушата!
И пальма сломалась,
но разве она виновата?

КРИВЫЕ МАСКИ

Пародии скопом на многих
Шутейные кренделя
Переплясы
Безкондовая кондовость

ФИЛОСОФСКОЕ РАЗДУМЬЕ НАД СОБОЙ

Бывает в жизни каждого мужчины
безрадостный мучительный вопрос...
Кабаньим салом и свиной щетиной
я, как и все, решительно зарос.

Что делать мне? За самобрейку взяться?
Влюбиться? Поллитровок закупить?
А может, просто – хорошо проспаться
и чай с вареньем на крылечке пить?

Как получилось? Что со мною сталось?
Как жил я? – Спал, свиное сало ел,
и в результате что-то оборвалось,
я как-то незаметно освинел...

Куплю варенья, водки и рассолу,
смешаю, круто солью приперчу,
на крышу влезу в виде полуголом,
заплачу горько и захохочу!

Заплачу над собою я спросонка,
захохочу обратно ж – над собой.

...Как трудно деловым стать поросёнком
и как легко – обычною свиньёй!

ОБРАТНО РАЗДУМЬЕ НАД СОБОЙ

У дворника резиновый кишечник
замотан в деревянный барабан,
блестит на солнце медный наконечник –
он ставит клизмы уличным домам.

Полезный труд! Тебя я уважаю
и с дворником здороваюсь всегда.
Я б пригласил его на чашку чаю,
да чай не пью – такая вот беда!

Я сам, друзья, был дворником сердитым,
и дворницкая мне известна боль.
Я сделался поэтом именитым,
чтоб пить не чай, а чистый алкоголь!

СНОВА ОБ СЕБЕ

Меня никто не сможет сбить с катушек!
Мои катушки – это, братцы, да!

Бей кружкой по башке, стреляй из пушек!
Греми в сто двадцать тысяч погремушек –

Я на катушках удержусь всегда!

УРУГВАЙСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Лирический дневник

Хотя я хорошо владею
американским языком,
вам расскажу об Уругвае
на нашем, русском, на простом.

Скажу вам просто и понятно,
как бабки сказку говорят
и так приятно и опрятно
свою кудельку теребят.

У той кудельки шерсть густая,
и нет ей краю, нет конца –
вот также песня, вырастая,
даёт слова, как шерсть овца.

Из шерсти той плету стихи я,
вяжу поэмы, шью трико.
Поэзия – моя стихия!
Плыть по стихии нелегко!

А чтоб вас не застала, братцы,
критическая буря вдруг –
из пробковых рекомендаций
спасательный готовьте круг.

Садитесь в шлюпку рецензента,
потом в корабль редакторов,

в мешке из лучшего брезента,
храня кудель своих стихов.

И вот, усевшись на бугшприте,
под ветром, в буре и пурге,
носки редактору вяжите,
да чтобы впору, по ноге!

Избави бог, не впору выйдет
ваш поэтический носок!..
Но ладно, хватит, всякий видит:
удачный найден образок.

Отвлёкся я чуть-чуть от темы:
мол, Уругвай и проч., и проч.

Об этом пишутся поэмы,
они, как эта – всё точь-в-точь.

ХРЯК

«Хряк: мужская особь свиньи».
(Из справочника ветфельдшера)

Петух на зорьке прогорланил звонко,
Ночь миновала, день вступил в права.
И принесли больного поросёнка
В свинарник из ветпункта, с Покрова.

Село Покров! Оно стоит далече.
Идти пешком, так выйдет на весь день!
А хряк больной. Ну кто его полечит,
И кто ему пропишет бюллетень?

Свинарка Глаша встала спозаранку,
Она и на гулянье не была:
Свинья больна – нашла в кустах поганку
И съела, и очнуться не могла...

Ветфельдшер приказал: «Давайте клизму!»
И вот всю ночь в свинарнике своём
Шагала наша Глаша в ногу с жизнью
Нелёгким ослепительным путём!

Она согрела водку, и ромашку
Засыпала пахучую в котёл.
Из МеТеСе пришёл парнишка Пашка.
Стоял, курил и разговор повёл:

«Хлеба-то нынче, Глаша, погляди ты!»
Она ему: «Сто центнеров возьмём!»
А Пашка ей с ухмылкою: «Иди ты!»
Но Глаша настояла на своём.

И хряку в этот вечер полегчало –
Он глубоко, но радостно вздохнул.
И Глаша засмеялась: «Будет сало!»
И Пашка ей на это подмигнул!

В КУЛЬТНАРЯДЕ
(цикл стихов)

РОЯЛЬ И ТАНК

Рояль мне танк напоминает,
когда грохочет он из дали,
ведь пианист им управляет –
газует, жмёт на все педали.

Симфония на развороте –
такой ответственный удар!
Недаром, достаёт комроты
резной, дарёный портсигар.

Не торопясь, «Волну» закурит
и тихо кашляет в кулак.
Он музыку так крепко любит,
Что в глотку не идёт табак.

Искусство уважают в взводе!
Сидим – не звякает медаль.
Гремит, гремит, как танк в походе,
концертный лаковый рояль!

РЯДОВОЙ МУЗЫКАНТ

Как рядовой в строю со скрипкой
на сцене музыкант стоит.
С комвзводовской простой улыбкой
Чайковский со стены глядит.

А музыкант наизготовку
берёт смычок и ждёт оркестр,
и целит, точно из винтовки,
в краплёный нотами реестр.

Симфония идёт нормально,
доволен музыкант вполне,
и льётся музыка печально
на длинной радиоволне!

РЯДОВОЙ КОМПОЗИТОР

Нет, здесь не ноты, не блок-ноты,
не композитор у стола,
а командир большой музроты
вершит и правит муздела.

Прикажет – по ранжиру встанут
лирические песни в ряд,
захочет – лирики отстанут,
уйдут в лирический наряд.

И марши грохнут сапогами,
и стол точёный задрожит –
симфонии пойдут рядами
брать творческие рубежи!

А композитор дальше шпарит –
план перевыполнил свой он:
навалом песен, вальсов, арий,
симфоний – целый эшелон!

КУЛЬТАРСЕНАЛ

В моём полит-культ-арсенале
картины разные стоят,
хранятся, как винтовки в сале,
по росту выстроены в ряд.

Всё ясно – нету здесь вопросов.
Вот это – рожь, а тут овёс.
Посмотришь – и берись за косу,
и навивай снопами воз.

Картина учит нас работать,
она зовёт идти вперёд.
Увидишь на картине лошадь –
в плуг запряжёшь – и в огород!

Станок увидишь на картине –
точи детали, не робей.
Не нужен мне увязший в тине
абстракционный воробей!

Я воробья из арсенала
дубовой палкой прогоню,
чтоб не клевал он, не щипал он
мою полит- и культ-броню!
Картине надобно на козлах
винтовкой встать в ряду других –
тогда она нужна, как воздух,
как суп, как соль, как сапоги!

Содержание

Об авторе 5

МЕДНЫЙ МЁД

Узор досок убог и сер... 8
МЕДНЫЙ МЁД 10
Жестяные цветы на воротах сада... 11
Металл, как губка, впитывая труд... 12
Душистый воск ещё не зрелой мысли... 14
В кающе музыка... 16
Всё больше красок впитывает взор... 17
Корявый ствол обратился в доски... 18
В пяти минутах от метро... 20
Стихия пространства... 22
ПЕЧАТНИКИ 24
Клин выбит... 27
ИСКУССТВО 28

ВРЕМЯ СКВОЗЬ СЕРДЦЕ

МОСКОВСКИЙ ДОГОВОР 32
Ты знаешь, как время проходит сквозь пальцы... 34
Этот берег... 35
Мальчишка с петушиным хохолком... 36
Доверьтесь незнакомым... 37
Когда поймётся: больше не могу... 38
Лавчёнка «Семена»... 39
Чок... чок... 40
Путь дерева!.. 41
НАШ МИР 42
О СМОЛЕ 44
Есть горе слёзное... 45
Мысль... 46
Вот череп. Сквозь него – трава... 48

ВЕСЕННИЙ КУВШИН
Кусты и деревья – горшки и кувшины... 52
ПРОРУБЬ 53
Утром... 54
На тонких ветках капели нанизь... 55
Это лекарь деревьев... 56
Стал снег зернист... 58
Кто видел, как выходят из-под снега... 59

СМОЛА НА КОРЕ
Поджарые сосны и тонкий вереск... 62
ДРАКОНОВО ЯЙЦО 63
Река – мозаика живая... 64
День был замешан на лучах... 66
Ни росчерка... 67
БАРЖА 68

ЗАРУБКА
ЧУМ 72
Как огонь-то ластится к дровам... 74
Не доверяй... 75
Опять на Ангаре волна!.. 76

ДОЖДИ
Кто там ходит всю ночь на ходулях... 80
Окно открою... 81
Сибирские дожди... 82
ДОЖДЬ НА ДОРОГЕ 83
ТЁМНОЕ НЕНАСТЬЕ 84
НОЧНОЙ ДОЖДЬ 86
ВОДА И ВЕТЕР 88

НИТИ ОСЕНИ
В лесах всё – цвель и ржа... 90
Кровь августа – шиповник и брусника... 91
На простуженном... 92

День свеж и рыж... 93
Безвкусен воздух осени в лугах... 94
СЛЕДЫ 95
Колючий сад... 96
О, маленькое чудо осени... 98
Осень краски украла... 99
Краснокожая... 100
Река в холодной чешуе... 101
В полях слюда и соль... 102
ПЕРЕПУТЬЕ ВРЕМЕНИ 103
Радость первого снега... 104

ЭТО ГОРОД

У каждого музея краеведенья... 106
Я люблю переулок... 107
Все памятники... 108
ПОСЛЕДНИЙ МЕРИН 110

ПОСТУПЬ ЛЮБВИ

Смыкаются невидимые двери... 112
Из дыма волосы... 113
Забыл слова, забыл напев я... 114
Нет, это не для слуха... 115
В эту ночь, что черна и бела... 116
Я боюсь поездов... 117
На пашне – яблонь лепестки... 118
Разве что-нибудь значит... 119
Был хворост... 120
Хочу стать кувшином... 121
Колечко – в колодец... 122
Под утро дождь... 123
В березах... 124
Ярость солнца азийского... 125
Не берегут любимых... 126
Весь день был снегопад... 127

ВЕШНЯЯ ТАЛОСТЬ 128
Всё знаю: там руки и губы в малине... 129
Стать дурочкой... 130

ДЕШЁВАЯ ПОЗОЛОТА
На лицах, точно в книге для приезжих... 132
В бессмысленной, настырной толчее... 133
Он сторожит арбузы... 134
Жалкая роскошь гостиницы... 136
В театре... 138
Есть у вещей дремучая душа... 139
Что нужно для рожденья красоты... 140
ВЕРТИНСКИЙ 141
ЧУЖОЙ МИР 142
Что думала пальма в углу ресторанного зала?.. 144

КРИВЫЕ МАСКИ
Пародии скопом на многих
Шутейные кренделя
Переплясы
Безкондовая кондовость
ФИЛОСОФСКОЕ РАЗДУМЬЕ НАД СОБОЙ 146
ОБРАТНО РАЗДУМЬЕ НАД СОБОЙ 147
СНОВА ОБ СЕБЕ 147
УРУГВАЙСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ
Лирический дневник 148
ХРЯК 150
В КУЛЬТНАРЯДЕ (цикл стихов)
РОЯЛЬ И ТАНК 152
РЯДОВОЙ МУЗЫКАНТ 153
РЯДОВОЙ КОМПОЗИТОР 154
КУЛЬТАРСЕНАЛ 155

Содержание 156

Приглашаем читателей посетить сайт
Николая Димчевского

dimchevsky.su

Книги Николая Димчевского можно заказать
по телефону:

8 (921) 355-96-48

Николай Димчевский
ВЕСЕННИЙ КУВШИН
Стихи

Художественное оформление *Нина Рассадина*
Корректор *Татьяна Зорина*
Верстка *Вероника Саченко*

ООО «ИНТЕРАГРО».

Подписано в печать 05.05.2015.
Формат 70×100/32. Гарнитура Петербург. Бумага офсетная.
Тираж 200 экз. Заказ № .

Первая Академическая типография «Наука».
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия В.О., 12/28.